

Гравра - 1992 - 18 июня.

НЕЛЬЗЯ сомневаться: здесь собрались те, кто верит в Россию. Кто готов работать во имя ее, не жалея, как говорится, сил, а может, и жизни самой. У кого не опускаются руки при виде ее сегодняшнего позора, нищеты и падения, при виде густо кружащегося над нею вороны и не менее густо облепившего ее чертеня, отечественного и заграничного, выдающего себя за спасителей и благодетелей. Над истерзанной Россией так много хлопочет сегодня специалистов самого высокого класса, занятых не обезболиванием, а обезволиванием ее, что за их шумной и дружной напористостью непросто и распознать, чья берет — продолжается ли обморок, вызванный ударом демократической дубинки по нашему сознанию, действует ли столь же успешно, как год, как два назад, машина одурачивания народа, или Россия пришла в себя и, несмотря на все средства подавления разума и воли, нашла в себе силы им противостоять. Только те из нас, кто плоть от плоти и дух от духа России, кто вместе с нею обирает с себя плевок в нее, в ком отдавалось незаживающей раной каждое слово отступничества от нее, кто плакал ее слезами обиды от предательства и вероломства; только тот, кого вместе с нею разрезали на части по планам ее расчленителей, в ком все тревожной и все настойчивей звучат недоуменные голоса предков, стоявших за Россию, — знает тот безошибочно: поднимается, опоминается, собирается в одну волю и одну мускульную силу Россия. Видит, слышит, чувствует он, ибо происходящее в России происходит и в нем, что не намерена она больше терпеть ни мелких бесенят, кривляющихся с экранов телевидения, ни бесов среднего пошиба из приказчиков нового порядка, наживающихся на ее несчастье, ни больших, генеральных бесов, производящих над Россией новый гибельный для нее социальный эксперимент.

И не только ропот голодных очередей дает право считать, что просыпается Россия от наваждения и обморока. Нет, убеждение через желудок бывает, бесспорно, отрезвляющим и сильным, но ненадежным. Обманутые один раз могут быть обмануты снова, едва лишь из милости протянут им кусок хлеба, даже если он отнят будет у наших детей и внуков за счет продажи того, что принадлежит будущему. Доведенные до отчаяния миллионы и миллионы истово возблагодарят того, кто, подобно Великому Инквизитору из «Легенды...» Достоевского, даст им этот кусок хлеба. Нельзя с них взыскивать, ибо хлеб становится сейчас не последним аргументом в борьбе за Россию, но нельзя на них и рассчитывать. Не ими спасется Россия. Но не спасется она, пока не возьмет на себя заботу об их пропитании и не организует их в силу производительную.

И не число оппозиционных партий и движений может внушить надежду, не многие тысячи в них состоящих, не раздающиеся с трибун смелые и даже сверхсмелые слова и крики проклятий погубителям России, как бы ни верны были эти слова и как бы ни очевидны были действия тех, в адрес кого они направлены. Пока множатся партии, власти предержащие могут не волноваться: они дробят силы, сталкивают их между собой, незначительные расхождения превращают в непреодолимые препятствия и переводят врученную им народную энергию в самолюбивую и никому, кроме России, не опасную болтовню. Если бы Минин с Пожарским вместо того, чтобы собирать ополчение и вести его на Москву, продолжали метать обвинения против продажных бояр и выгладивших казаков, Москва еще долго бы оставалась за интервентами.

НЕТ, НЕ признаки брожения и не гуд улиц позволяют с уверенностью говорить сейчас о восстании России из униженности и обманутости. Все это без главного, скрепляющего воедино настроения способно перебродить и переродиться во что угодно — и в новую разрушительную стихию, и в новые хитроумные и многообещающие общественные куролесы, умеющие задушивать людей, но не дать верного пути.

Народ, как известно, спланивает сильная, на роду ему написанная идея. Она может затмеваться, общество сознательно или бессознательно может уводиться от нее, но в глубинах национального сознания она сохраняется в неповрежденности и только жлет своего часа, чтобы овладеть умами и сердцами. Как правило, этот час наступает в пору самых суровых испытаний, когда все остальные опоры оказываются слабыми или несостоятельными, во время войны или смуты в особенности. Как только встает вопрос, быть или не быть России свободной и самостоятельной, как только с языка дискуссий и разногласий сходит он во всей своей неумолимой яви на землю, так что не обойти его, не объехать, стекаются под него русские люди, оставив распри, обиды и недоверия, стекаются как один народ, вспоминая заветы предков, как одна душа и одно сердце, преодолевающее разнобойность... Есть в нас грех разборов, несогласия, доставлявший всегда России немало бед, но не раз было до сих пор в решительные часы и торжество сбора, согласия и единения. Понятно, что немало сегодня отпадет от чувствительного и здорового, из России состоящего и Россией живущего, тела народного всяческого разбежья — спланившиеся, озлобившиеся, усомнившиеся, уткнувшиеся в себя, легион встанет на нашем пути агитаторов, считающих Россию земным неудобьем, обреченным якобы и оставаться таковым, пока не откажемся мы от ее духовного вонительства и не позволим ей встать под водительство других. Немало их, отпавших и соблазненных, бросивших российские рубежи, но вместе с рубежами перешла к нам и утерянная ими сила, поскольку берется она лишь из одного источника — из России — и отдается ею своим защитникам.

Патриотизм как систему государственного-охранительных взглядов уже нельзя сегодня, как два года назад, громко и победно объявлять «свойством негодяев». Не та на дворе общественная погода. Патриотические лозунги вынуждены выдвигать почти все партии и движения, расценивающие на успех, не у всех они, правда, внятно выговариваются, некоторым язык и вовсе отказывает при их произнесении, но это уже зависит не от чего иного, как от степенности искренности. Все в конце концов становится на свои места: патриотизм, выражаясь политическим слогом, превращается в сознание масс, а вышеуказанное «свойство» все больше обнаруживает себя в лице поносителей патриотизма. Лучше бы им и вовсе оставить попытки выдавать за «фашизм», пусть даже и «необыкновенный».

Выступление Валентина Григорьевича РАСПУТИНА на первом съезде Русского Севера. Контактные телефоны Севера: 217-60-77, 217-60-79.

порыв народа к самосознанию и сохранению своего национального и исторического лица: крайности, как известно, рождают крайности, а в крайностях никто из нас не должен быть заинтересован.

Как бы ни хотелось кому-то, но самостояние, самоуважение, самопонимание в русском человеке отменить не удастся, и безродный его не сделать. Среди лжи, разврата, нищеты и разрухи, в почи отчаяния и гибельных звуков — как предвечный оттай в той стороне, где поднимается солнце, как провозвешие, как оттикс небесный, постепенно начинает проявляться и очисляться образ вечной России. Можно и на сей раз оговориться, если не всем он виден: десятки лет не умели мы смотреть дальше носа и потеряли зоркость, да и тьма не разошлась еще, да и разворачивают нас глазами в противоположный край, где закат... Но ошиблись, слишком ошиблись те, кто считал, что можно нас лишь помянуть Россией и отставить, сыграть в политической игре на национальных чувствах и передернуть карты, что, заглядевшись в восторге на державный трехцветный флаг, не заметим мы, как сведут под ним Россию в услужение к богатым господам и станут помыкать, словно дворовой девкой.

НЕТ, ПОЗДНО. Или рано. Но всегда будет и поздно и рано, всегда будет не вовремя, истинно русский человек от своей Родины неотлучим. Чужими прелестями он не прельстится и тысячелетие труды свои

Валентин РАСПУТИН:

«Если соберем любовь к России каждого в одну любовь — выстоим!»

сдать за бесценок, как металлолом, на переплавку и перековку не позволит. Для него Россия — не просто место жительства, выпавшее от судьбы, а вся сумма изродительных начал — физических, нравственных, духовных и психических, вся космическая полнота бытия. В ней наша доля и воля, прозрение и спасение, в ней и вера наша, и помыслы, и красота, и совесть. Если мы что-то знаем в мире, то только в наполнении ею, в ее выражении.

От легендарного Китежа до легендарного Беловодья протянулась вечная Россия, еще не найденная нами, недостроенная, в полной мере не обретенная, но не уступающая звать нас к себе, нас, блудных детей своих, то призывающих к ней, то кидающихся искать ее за горизонтом, в то время как она всегда была в нас и рядом.

Время, в которое мы заступили, с полным правом можно назвать и подлым, и низким, и отступническим от вечных человеческих ценностей, и таким, и сляким из того же рьяда гибельных понятий, но если свести вместе все открывшиеся перед нами безрадостные истины, откровения сильных мира сего и наши собственные предчувствия — тайное перестает быть тайным: мир сдается на милость всевластного и всепоглощающего порядка, который уже не находит нужным скрывать свое оправдание зла; и все, вынужденное прежде прятать себя, выставляет (с триумфом) на царство. Отсюда и борьба за Россию, которую только слепые принимают за наше внутреннее дело и не видят, что крушение России подготавливалось давно и проходило планомерно, что теперешние демократические рдения во имя якобы цивилизованной жизни — это дурно исполняемое действо перед жертвоприношением.

Отсюда и легшие на плечи русского человека бремена, каких еще не бывало, отсюда и его предстояние перед окончательной судьбой. Не завтра наступит, а сегодня наступила решительная проверка, чего мы стоим, остались ли в нас еще столь прославленные прежде мужество, стойкость, умение усилиться в каждой за десятилетия и встать неодолимой дружиной, а главное — какова крепость нашего национального чувства, о котором в последние годы мы поистерли языки, но не имели возможности удостовериться, во что оно от подобных трудов возросло. Тут нет нужды разъяснять, что такое национальное чувство и на каких условиях оно, целительное для нас, не может быть подозрительным никому другому народу, но есть смысл повторить, что без него народа не бывает, без него народ выпрагается из общего отечественного тягла и превращается в насельническую массу, где каждый озабочен лишь собственным животом и каждый строит в своем доме крепость против всего остального мира. Потому и подошло человечество к сегодняшним трагическим нравственным рубежам, что национально оно все больше ослабевает и духовно остывает. Очередь — за нами, а если и мы сочтем нужным отправиться по этой дороге вслед за другими, через дватри десятилетия история за руссом может опустать завесу.

В России 80 процентов русских, потому естественно наше обращение здесь, на Русском национальном Севере, к ним, т. е. к нам, к себе, естественна наша внутренняя потребность разобраться в своем национальном хозяйстве и, соответственно своему весу, заявить решительное право на за-

щиту единой и неделимой России и на поддержку десятков миллионов русских, в одночасье по воле политиков оказавшихся вне России.

Как бы хотелось призвать к старому нравственному правилу, которое гласит: нельзя мне поступать дурно, ибо я русский. Когда-нибудь, будем надеяться, русский человек возведет эти слова в свой главный жизненный принцип и сделает их национальным путеводителем. Это, разумеется, от нынешнего нашего состояния долгая работа. Но и она, как только отдадим мы себя спасению России, исполнима: мобилизованные ею, мы мобилизуем в себе и свой нравственный строй и, как в окопах, откажемся от всего, что мешает исполнению долга.

Нас развращают — давайте не развращаться. Лет двадцать назад А. Солженицын призвал: не участвуйте во лжи — и, надо полагать, согласное и решительное сопротивление тотальному обману не могло не дать своих результатов. Однако после одной лжи воцарилась другая, вышедшая из подполья, где она отравила рожки, еще более бесстыдная, извращенная, переворачивающая ценностный человеческий порядок с ног на голову, взявшая за учительный тон издевательство надо всем, на чем веками стоял нравственный мир, проповедующая пошлость, жестокость, выставленная на почетное место инстинкты, которые лишь по недоразумению называются животными, — животные в силу своих собственных инстинктов их бы не потерпели. Это даже

и не ложь, если понимать под ложью обратную сторону правды или ее извращение, это, скорей, форма психопатии из тех, которые внушению не поддаются. Ни одно государство, озабоченное крепостью своих устоев, подобного не позволит, и если у нас оно принялось за норму, претендует быть культурой, вкусом, нравами и обычаями народными, пользуется покровительством власти — стало быть, это государство почему-то заинтересовано в том, чтобы себя уничтожить.

Не годится русскому быть поданным чужих порядков, заниматься нравственным скверноядием, бессловесно, пусть и со страданием, наблюдать, как топчут его святыни. Не настолько мы потеряли достоинство свое и образ свой, не настолько изнеможены и запутаны, чтобы терпеть самое гадкое из всех насилий — диктат победившего бесстыдства.

НАС ОТРЫВАЮТ от веры — не отрвемся. Душа русского человека нашла свой подвиг и свое пристанище в православии, и только там мы обречем ее для искупительных и спасительных трудов, только там соединимся в своем временном и вечном призвании, а не в блудливых похождениях по задворкам чужих толков и религий. Оттого и насылают сейчас во множестве на отечественное христианство разного рода искушителей, разоблачителей, ниспровергателей и хулителей, что решено с помощью так называемого свободного нашего выбора, а в действительности — навязанного мнения посеять в нас еще и религиозную вражду и развернуть против собственных алтарей.

Нас озлобляют друг против друга — не озлобимся, а сойдемся вместе...

Нас пугают — не испугаемся...

Бьют по рукам, чтоб опустили мы руки, — не опустим...

Но:

...подобно остаткам разбитых и рассеянных после сражения армий бродят сейчас по улицам городов и сел бойцы армий несобранных, еще не существующих. Внутренне они чувствуют себя признанными и ищут, давно ищут места сборных пунктов, спрашивают наугад дорогу к ним и не находят ответа. Лидеры патриотических движений заняты выяснением, кто из них правильной, патриотичней, чья программа лучше и у кого больше прав на верховное руководство. А время идет, и люди, потыкавшиеся от партии к партии, от программы к программе, которым несть числа, теряют надежду и сдают свою решимость в архив несостоявшихся служений.

Приходится напоминать: в 13-м веке несоединенность русских князей привела к рабству в два с половиной столетия, в начале 20-го века разборчивость и элитарность русского сознания закончилась победой коммунизма. Что будет теперь, зависит от нас. Если и теперь не найдем мы согласия — бесстрастная история, которой нет дела ни до России, ни до русского народа, возьмется отсчитывать новый порядок нашего национального позора.

Все, говорят, проходит; по выражению И. Солженицына, «проходит даже и прохвостье». Но никогда ничего, кроме времени, не проходит само собой. Даже и прохвостье имеют способность к самовоспроизводству.

Широко разлилось сейчас течение против России исторической и национальной, немало несет оно лядов и муть, немало натворило уже на своем пути бед, вымытая хлебные и духовные засева. Посмотреть — кажется, и не остановить эту стихию, пока не насытится она и не снесет оставшееся.

Должно быть, на все века и несчастья замечательный русский поэт А. К. Толстой оставил русским людям в их сомнениях свой голос.

«Так создадим же течение встречное — Против течения!»

И если соберем волю каждого в одну волю — выстоим!

Если соберем совесть каждого в одну совесть — выстоим!

Если соберем любовь к России каждого в одну любовь — выстоим!

Фото Павла Кривонова.